

Сладкая Арман

БЫВШИЕ

Дать шанс

18+

Сладкая Арман

Бывшие. Дать шанс

<https://litres.ru/74360234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я была идеальной женой: любила, ждала, терпела процедуры, лишь бы подарить ему наследника. Он был идеальным мужем: обеспечивал, поддерживал и не сдавался. Я думала, что наше «потом» наступит, когда я выдержу четвёртое ЭКО. Что если я буду достаточно сильной — мы будем счастливы. Но вместо ребёнка я получила его равнодушие. А в день, когда всё пошло не по плану, он ушёл, даже не оглянувшись. Я выжила. Я собрала себя по кусочкам — ради сына, которого он никогда не видел. Ради жизни, в которой ему нет места. Но судьба сыграла со мной злую шутку: я пришла на собеседование в его компанию. С резюме и одним секретом, который перечёркивает всё. У меня есть сын. Его сын. И я до сих пор не решила, скажу ли ему это.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	57
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сладкая Арман

Бывшие. Дать шанс

Глава 1

Ирина

Серые предрассветные сумерки еще не решались проникнуть в спальню, задерживаясь в страхе перед плотными шторами. Я уже проснулась. Мой внутренний будильник сработал ровно в пять, будто в голове включилась какая-то беззвучная тревога, которую активировало подсознание. Я отсчитывала минуты до следующего звонка будильника, однако время, словно пытаюсь мне досадить, тянулось. Рядом лежал Макс. Во сне он слегка хмурился, будто даже в объятиях Морфея продолжал решать свои бесконечные вопросы.

Он был таким красивым. Даже с утренней небритостью, придававшей его лицу легкую небрежность, и даже со взлохмаченными непослушными волосами — он был невероятно красив. Повернув голову, стараясь не разбудить его из-за моего нервного возбуждения, я лежала рядом с мужем, с которым уже третий год. Третий год! Третий год я просыпаюсь рядом с ним, и каждый раз, когда смотрю на него, ловлю себя на мысли: какая же я счастливица! Как могло случиться, что

этот сильный, такой уверенный и безумно красивый мужчина выбрал меня? Что каждое утро у меня есть возможность прижаться к нему, коснуться его, почувствовать его.

Три года. Три года попыток, пунктиров тестов на овуляцию, уколов гормонов, надежд, взлетающих до небес, и разочарований, разбивавших вдребезги. Три года я пытаюсь подарить ему ребенка. Моя рука сама скользнула вниз и мягко легла на живот. Под ладонью было тепло и пусто. Пока еще пусто, как дом, который ждет своих жильцов. Но сегодня... Сегодня все может измениться. Сегодня внутри меня поселится надежда размером с клетку.

- Не спишь? - Его хриплый со сна голос вырвал меня из омута мыслей. Макс приоткрыл глаза, мутные спросонья, но уже теплые, улыбающиеся мне. Он потянулся и привычным движением привлек меня к себе, обняв за талию.

- Волнуюсь, - прошептала я, утыкаясь носом в его ключицу, вдыхая родной запах сна и его тела.

- Не волнуйся, глупая. - Он поцеловал меня в плечо, и его губы задержались на коже на пару секунд дольше обычного.

- У нас все получится. Я знаю. В этот раз обязательно получится.

Я хотела верить ему. Так отчаянно хотела, что это желание физической болью отдавалось в груди. Я хотела, чтобы его уверенность, его сила передались и мне, растопили ледяной комок страха, застрявший где-то под ребрами.

Мы лежали еще немного, в тишине, нарушаемой только

нашим дыханием. Потом он легко поцеловал меня в висок и встал. Я слышала, как зашумела вода в душе, и под этот мерный шум снова провалилась в свои мысли. Я представляла, что будет потом. Через девять месяцев. Если все получится, я буду держать на руках маленький теплый комочек, нашу кровинку. Я увижу, как Макс впервые возьмет его на руки - такой большой, сильный и неловкий. Если нет... Я тряхнула головой, прогоняя эту черную тень. Сегодня нельзя думать о плохом. Сегодня день надежды.

В клинику мы приехали ровно к девяти. Эти стены стали для меня почти родными, но легкая дрожь в коленях всякий раз напоминала, зачем мы здесь. Знакомый, стерильный запах чистоты и лекарств, знакомые лица медсестер в голубых костюмах, с приветливыми, но профессионально-отстраненными улыбками. Четвертая попытка. Четвертый раз я сижу в этом коридоре и разглядываю плакаты на стенах, рассказывающие о чуде зарождения жизни. Макс, как всегда, рядом. Его ладонь сжимала мои ледяные пальцы, передавая мне свое спокойствие, свою уверенность. Его большие пальцы мягко гладили мою кожу, рисуя круги.

- Ты как? - спросил он, заглядывая мне в глаза. В его взгляде была такая бездна нежности и поддержки, что у меня защемило в носу.

- Нормально, - выдохнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Ты самая сильная женщина, которую я знаю, - сказал он

твердо, без тени лести. - Ты справишься. Я в тебя верю.

Я улыбнулась, чувствуя, как его слова тонкими нитями вплетаются в мою душу. Врач называла это «позитивным настроем». Для меня это был спасательный круг под названием «последняя надежда».

- Ирина? - Медсестра выглянула из процедурной, и у меня внутри все оборвалось, чтобы через миг снова забиться в бешеном ритме.

Макс притянул меня к себе, крепко обнял, и я на секунду утонула в его надежности. Он поцеловал меня в лоб, задержавшись губами, словно ставил невидимую печать любви и защиты.

- Я здесь. Рядом. Буду ждать, сколько нужно, - прошептал он.

Я кивнула, глубоко вздохнула, словно перед прыжком в воду, и перешагнула порог кабинета.

Процедура длилась недолго, но эти минуты растянулись в вечность. Лечь, расслабиться, дышать, пока врач колдует надо мной. Я думала о жизни. О той крошечной, невообразимо хрупкой жизни, что сейчас, возможно, начинается внутри меня. Пока еще в пробирке, пока еще формально не моя. Но уже желанная, уже любимая до умопомрачения. Если повезет.

- Все прошло просто отлично, - врач улыбнулась мне, снимая перчатки, и эта улыбка показалась мне самым прекрасным зрелищем на свете. - Теперь покой, Ирина. Золотой по-

кой. Две недели строжайшего постельного режима. Никакой физической нагрузки, ни грамма стресса. Только покой, только положительные эмоции. Договорились?

- Договорились, - прошептала я, боясь спугнуть удачу громким голосом.

Меня перевели в послеоперационную палату, где нужно было провести два часа под наблюдением, просто лежа. За стеклянной перегородкой я видела Макса. Он стоял в коридоре, говорил по телефону, жестикулируя свободной рукой, но то и дело его взгляд возвращался ко мне. Поймав мой взгляд, он подмигнул, и его лицо озарила такая открытая, мальчишеская улыбка, что мое сердце пропустило удар. В этот момент я чувствовала себя почти счастливой. До одури, до дрожи счастливой.

Домой я поехала одна. Макс никак не мог отпроситься с совещания. Он мялся у выхода из клиники, виновато заглядывая мне в глаза, целовал мои руки, щеки, губы, рассыпаясь в извинениях.

- Ты главное лежи, слышишь? - говорил он на прощание, помогая мне сесть в такси. - Даже не вставай без нужды. Я буду названивать. Вечером приеду пораньше, честно.

Я кивнула, пообещав быть паинькой.

Дома я разделась, стараясь делать все медленно и плавно, и легла в постель. Лежать нужно было практически не двигаясь, чтобы дать эмбриону шанс прикрепиться к стенке матки. «Никакой активности», - эхом звучал в голове го-

лос врача. Я лежала истуканом, боясь лишний раз вздохнуть. Часы тянулись бесконечно, минуты превращались в часы. Я следила за тем, как по комнате медленно, с востока на запад, ползет солнечный зайчик, наблюдала за игрой пылинок в его лучах. И думала. Думала о том, что будет, если снова не получится. Мысли эти были липкими, колючими, они заползали в голову змеями, и мне приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы гнать их прочь. Я запретила себе плакать. Сегодня нельзя.

Макс позвонил ровно в шесть. Я ждала этого звонка, как манны небесной.

- Как ты там, моя хорошая? - Голос в трубке был уставшим, но таким родным.

- Лежу, - улыбнулась я в потолок. - Как истукан. Боюсь чихнуть.

- Молодец. Горжусь тобой. Я скоро буду, вырываюсь. Освобожусь через час, максимум полтора.

- Работай спокойно, я в полном порядке. Правда.

- Я соскучился, - сказал он вдруг просто, и от этих слов у меня внутри все растаяло, разлилось теплой волной по венам.

- Я тоже, - ответила я, чувствуя, как к глазам подступают слезы счастья.

Он приехал в половине восьмого. Я уже выучила этот звук наизусть - хлопок входной двери, звон ключей, брошенных на тумбочку в прихожей, его быстрые шаги по коридору.

- Привет, - сказал он, появляясь в дверях спальни. На нем лица не было от усталости, но глаза светились.

- Привет, - ответила я, чувствуя, как комната наполняется его присутствием, его энергией.

Он подошел, сел на край кровати и сразу взял мою ладонь в свои руки, поднес к губам.

- Как ты тут без меня, бедолага? - спросил он, целуя мои пальцы.

- Скучала. Очень.

- Я тоже, - выдохнул он и наклонился, чтобы поцеловать меня в губы. Поцелуй был долгим, нежным, полным невысказанной нежности. - Устала лежать пластом?

- Немного. Спина затекает.

- Терпи, красавица моя. - Он провел ладонью по моей щеке. - Ради малыша. Это того стоит.

Я кивнула, прижимаясь щекой к его теплой ладони. Он лег рядом, поверх одеяла, обнял меня, прижимаясь лицом к моему плечу. Я чувствовала его дыхание, его тепло, его надежду, пульсирующую где-то рядом с моей.

- Я так хочу, чтобы в этот раз получилось, - прошептал он так тихо, что я едва расслышала. - Ты даже не представляешь, как я этого хочу.

- Представляю, - ответила я, глядя его по голове, перебирая мягкие волосы. - Я тоже хочу. Наверное, даже сильнее.

Он приподнялся на локте, заглянул мне в глаза. Взгляд его был серьезным, глубоким.

- Ты знаешь, Ир, - начал он медленно. - Мне очень нужен наследник. Отец уже который месяц пилит, бизнес растет, столько всего нажито... Сам понимаешь, не хочется, чтоб все в пустоту ушло. Я должен передать кому-то то, что мы строили. Продолжить династию.

- Я понимаю, - сказала я, хотя в груди что-то дрогнуло.

- Если будет сын, - он улыбнулся своей мечтательной улыбкой, от которой у меня всегда замирало сердце, - я научу его всему, что умею сам. Буду маленьким брать на стройку, в каске игрушечной, показывать, как экскаватор копает. Потом научу чертежи понимать, людей чувствовать. А ты будешь дома нас ждать, пироги печь, борщи варить. Представляешь?

Я улыбнулась в ответ, послушно кивая, но внутри что-то кольнуло, остро и больно. Пироги... Я не умела печь пироги. Я вообще не была идеальной женой в классическом смысле - готовила я из рук вон плохо, убираться не любила до умопомрачения, вечно пропадала в своем офисе, с головой уходя в работу. Но я пыталась. Ради него я пыталась перекроить себя, стать той самой «хранительницей очага», которую он, казалось, рисовал в своем воображении.

- А если девочка? - спросила я тихо, как спрашивала всегда, затаив дыхание.

- Девочку мы тоже будем любить, - ответил он, как всегда. Легко, почти автоматически. - Но сын нужен, Ир. Очень нужен. Ты же понимаешь.

Я кивнула, утыкаясь носом ему в плечо, чтобы он не увидел промелькнувшую в глазах тень. Да, я понимала. Я всегда это понимала. Сын. Наследник. Продолжатель дела.

Мы лежали в полной тишине, свернувшись в единый клубок, два человека, связанные одной огромной надеждой. Я чувствовала всем телом его сердцебиение — такое сильное, ровное и уверенное. Я продолжала просить. Я молилась, обращаясь к каждому богу, даже к тем, в существование которых никогда не была уверена, чтобы в этот раз все получилось, чтобы я смогла забеременеть. Чтобы я подарила ему сына, которого он так ждал.

— Макс, — сказала я так тихо, что мой голос едва поднялся над шепотом, боясь, что любой звук разрушит реальность за пределами этой комнаты.

— Ммм? — пробормотал он, опутанный сонными объяснениями.

— Я так сильно тебя люблю.

Он нежно сжал меня и поцеловал — жест, который всегда успокаивал меня после трудного дня.

— Тогда я должен любить тебя еще сильнее, — ответил он.

Я решила начать свое внутреннее путешествие надежды, которая жила там, в глубине моей души. Она приходила ко мне маленькими вспышками, в виде крошечного сердечка, бьющегося под давлением ладони. Такая маленькая и робкая, почти незаметная — жизнь, которая обещала себя.

И пока надежда сохранялась, мне нужно было вынести все
остальное, ждать и верить!

Глава 2

Максим

Я ненавижу стройки. Всю свою сознательную жизнь, сколько себя помню, я их ненавидел. Этот запах - промозглый, сырой бетон, перемешанный с гарью от сварки и въедливой металлической пылью. Этот звук - лязг арматуры, визг бетономешалок, мат рабочих, перекрывающий гул техники. Этот холод, проникающий под кожу, под куртку, под все слои дорогой одежды, которую здесь невозможно носить без ощущения, что ты переоделся в чужую. И эта бесконечная, липкая грязь, которая, кажется, забивается в самые укромные уголки души.

Мой отец построил на этом бизнесе империю. Буквально. «СтройГрупп» - это его детище, его плоть и кровь, его памятник самому себе при жизни. И он же, каждый божий день, не устает напоминать мне, что я должен быть здесь. Именно здесь, на высоте, на ветру, в этом аду из бетона и арматуры. Чтобы доказать, что я достоин носить его фамилию. Что я не просто маменькин сынок, в одночасье получивший миллиарды, а продолжатель дела, настоящий мужик, с руками, ногами и стальными яйцами.

Я стоял на двадцать пятом этаже будущего жилого комплекса «Империал». Звучит пафосно, да? «Империал». Отец обожает такие названия. Внизу, под ногами, вместо привыч-

ного пола - бетонная плита, холодная, серая, в разводах масла. И торчащая во все стороны арматура, похожая на обнаженные ребра какого-то гигантского доисторического скелета, который так и не смог доползти до места своей последней битвы. Вверху - открытое небо. Ноябрьское, тяжелое, набухшее снегом, как переполненный мочевой пузырь. Еще чуть-чуть - и просыплетсся. Через полгода здесь будут элитные апартаменты с панорамными окнами. Какая-нибудь холеная дамочка будет пить здесь утренний латте, глядя на город с высоты птичьего полета, и понятия не иметь, что ее гостиния стоит на костях этого бетонного скелета, который я сейчас ненавижу каждой клеткой.

- Максим Андреевич, проект фасадов по секции «Б» утвержден окончательно, - раздался за спиной голос прораба, Николаича. Толстый мужик в пыльной каске, с лицом, похожим на старый, продутый всеми ветрами чемодан. Он говорил, а я слышал лишь хрип и присвист. - По срокам идем с опережением графика на десять дней. Если так пойдет, к Новому году коробку закроем.

- Хорошо, - ответил я, даже не обернувшись.

Я смотрел на горизонт. Там, за изгибом замерзшей реки, распластались спальные районы. Бесконечные многоэтажки-близнецы, похожие на серые спичечные коробки. В одной из таких коробок, в нашей квартире на семнадцатом этаже, сейчас лежит Ирина. Лежит пластом, как статуя, боясь лишний раз вздохнуть. Прирастет или нет - этот вопрос сей-

час висит над нами обоими, как дамоклов меч. Прирастет ли крошечный комочек клеток, чтобы через девять месяцев стать тем, кого так ждет отец.

Мысль о ней, возникшая внезапно, вызвала во мне странный, раздражающий коктейль из нежности и глухого раздражения. Нежность - потому что она старается. Она, как солдат на посту, выполняет приказ. Лежит, терпит, надеется. Раздражение - потому что это уже четвертая попытка. Четыре! И я, черт возьми, устал надеяться. Устал видеть, как ее глаза наливаются слезами, когда тест снова показывает одну полоску. Устал от этого затхлого больничного запаха, который, кажется, намертво въелся в ее кожу, в ее волосы, в нашу постель.

Телефон в кармане завибрировал настойчиво, как оса, бьющаяся в стекло. Я взглянул на экран. Отец.

- Ты на объекте? - Голос в трубке сухой, без приветствий, сразу с порога.

- Да.

- Поднимись. Я здесь. Нужно сказать кое-что.

Я вздохнул, спрятал телефон и, перешагивая через лужи цементного молочка, направился к временному грузовому лифту. Клетка, обтянутая ржавой сеткой, с воем поползла вверх, к самому небу, туда, где любил стоять отец.

Он был там, на последнем этаже, который еще не обзавелся даже стенами. В своем неизменном дорогом пальто с каракулевым воротником, опираясь на трость с массивным се-

ребрыным набалдашником - память о недавней операции на колене. Семьдесят лет, а все туда же. На стройку. На высоту. В самую гущу, где ветер свистит так, что закладывает уши. Ему нравилось чувствовать себя властелином мира, стоя над городом.

- Смотри, - произнес он, не оборачиваясь. Трость описала в воздухе полукруг, указывая на расстилающийся внизу пейзаж. - Весь этот район, до самой трассы, - наш. Видишь? «Империал», потом «Аврора» напротив, через дорогу торговый центр заложим. Империя растет, Максим. Империя, которую я создал.

- Да, пап, - сказал я, пряча руки в карманы пальто. Здесь, наверху, ветер был особенно злым.

Он наконец повернулся ко мне. Глаза у него были стальные, цепкие, как у ястреба, высматривающего добычу. В них никогда не было тепла, только оценка. И приговор.

- А наследник где? - спросил он в лоб. Без подготовки, без предисловий.

Я молчал, глядя ему в глаза. Ветром трепало полы моего пальто.

- Четвертая попытка, я ничего не путаю? - продолжал он, и в его голосе зазвенел металл. - Сколько можно, Максим? Ты понимаешь, что совет директоров, инвесторы, партнеры - они смотрят не только на балансовые отчеты? Они смотрят на семью. На стабильность. На то, какой след ты оставишь после себя. Если у тебя нет сына, ты - временщик. Ты - никто.

Перекаати-поле. Сегодня ты здесь, завтра тебя нет, и все, что ты нажил, рассосется, как утренний туман.

- Я работаю над этим, - процедил я сквозь зубы. Челюсти свело от напряжения.

- Работаешь, - усмехнулся он, и усмешка эта была хуже пощечины. - А я слышал другое. Я слышал, что твоя жена совсем расклеилась. Располнела на гормонах, плачет целыми днями в четырех стенах. Ты уверен, что она вообще способна родить? Может, природа дает тебе знак?

- Пап, не надо. - Голос мой прозвучал глухо, но твердо. Во мне закипала злость.

- Надо, Максим. - Он шагнул ко мне, сокращая расстояние, и положил тяжелую ладонь мне на плечо. . - Я люблю тебя. Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Но если эта конкретная женщина не может дать тебе наследника, может, стоит задуматься? Посмотреть вокруг. Время идет. Мое время уходит, твое - тоже не резиновое. Если эта не может, найди другую. Которая сможет.

Внутри все похолодело и одновременно взорвалось. Я еле сдержался, чтобы не сбросить его руку и не наговорить грубостей. Перед глазами на миг возникло лицо Ирины - ее улыбка, когда она смотрит на меня утром.

- Я сам решу, - ответил я, глядя ему прямо в глаза. - Моя жена, моя семья, мои проблемы.

- Решай. - Он хлопнул меня по плечу, и в этом жесте чувствовалось что-то среднее между одобрением и угрозой. - Но

побыстрее. Время, как говорится, не ждет. Особенно твоего будущего наследника.

Он развернулся и, цокая тростью по бетонной плите, зашагал к лифту. Сгорбленная фигура в дорогом пальто, на фоне серого неба, казалась зловещей.

Один на самом краю стройплощадки, я стоял на краю пропасти. Подо мной зияла бездна, город жил своей жизнью, река несла свои темные воды, а где-то, в одном из спальных районов, лежала моя жена и надеялась. Надеялась на меня. На нас. На чудо. Нужно было верить, что все получится. Что я выгоню из головы те мысли, которые мой отец посеял, словно сорняки. Где-то, в самом дальнем уголке души, уже начал селиться мерзкий, жирный, как червь, червь сомнения, извиваясь и постепенно подтачивая мою убежденность.

После обеда, с тяжелой головой и спутанными мыслями, я спустился в бытовку — длинный вагончик, пропитанный запахом солярки, дешевого табака и мужского пота. Мне нужно было подписать несколько документов. Здесь были и другие люди. За столом, заваленным чертежами, сидела Анна — один из архитекторов из проектного бюро, привлеченного к нашему проекту, в чьи обязанности входила разработка фасадов. Она была красива: молодая, динамичная, длинноногая, и всегда носила короткую юбку, будто это ее рабочая униформа. Сегодня на ней было облегающее трикотажное платье цвета асфальта после дождя. Оно отлично сидело на спортивной фигуре. Ее длинные пепельные волосы сво-

бодно спадали на плечи, губы были накрашены ярко-алым. Когда она увидела меня, подняла голову, и в ее взгляде мелькнуло то что можно увидеть в глазах охотника, внезапно обнаружившего добычу.

- Максим Андреевич, - пропела она, и голос ее был мягким, обволакивающим. - А я как раз вас ждала. Нужно утвердить визуализацию фасадов по секции «Б». Без вас никак.

Я подошел, встал рядом. Она развернула передо мной лист ватмана с цветной распечаткой. От нее пахло сладкими духами, терпкими и навязчивыми, перебивающими запах бытовки.

- Здесь можно сделать акцент на входной группе, - она чертила пальцем по бумаге, и я поймал себя на том, что смотрю не на чертежи. Я смотрел на ее руку. Длинные, ухоженные пальцы с идеальным френчем, тонкое запястье, дорогие часы. Все в ней было дорогим, ухоженным, доступным и безумно далеким от той атмосферы больничного ожидания, в которой жила Ирина.

- Утверждаю, - сказал я, даже не вникая в суть. Мне было плевать на фасады. Мне хотелось заглушить червя.

Она улыбнулась, чуть задержав взгляд на моих губах.

- Вы сегодня какой-то напряженный, - заметила она, и в голосе ее сквозило неподдельное, почти интимное участие. - Тяжелый день? Стройка выматывает.

- Обычный, - ответил я сухо.

- Может, выпьете кофе? Расслабитесь? У меня в кабинете

термос, хороший, свежий. И печенье домашнее, - добавила она с легкой усмешкой.

Я взглянул на нее в упор. В ее глазах не было ни тени сомнения, ни капли двусмысленности. Там было чистое, неприкрытое приглашение. Она хотела меня. Это читалось в каждом ее жесте, в каждом взгляде. И я, к своему удивлению, почувствовал, что не против. Дома меня не ждал секс. Ирине нельзя. Она лежит, как хрустальная ваза, и секс - последнее, о чем она может думать. А я... я мужчина. У меня есть потребности. Есть тело, которое хочет тепла, близости, разрядки. Это же нормально? Это же просто физиология?

- Кофе не хочу, - ответил я, глядя ей прямо в глаза. - А расслабиться... не помешало бы.

Она улыбнулась шире. Улыбка ее была хищной, торжествующей.

- Договорились. Я буду ждать вас в своем кабинете. Скажем, в час? У нас как раз обеденный перерыв.

Я кивнул и вышел из бытовки. Сердце колотилось, как у мальчишки, впервые идущего на свидание. Внутри поднимался адреналин, смешанный с чем-то темным, запретным. Запретный плод, как известно, сладок. Я знал, что это неправильно. Знал, что Ирина ждет меня дома, верит, надеется, лежит пластом ради нашего общего будущего. Знал, что поступаю как последняя сволочь. Но что-то животное, первобытное, глухое к голосу разума, уже толкало меня вперед, заглушая чувство вины. Червь сомнения превратился в дра-

кона похоти.

Ровно в час я стоял перед дверью ее кабинета - отдельного вагончика, чуть более чистого и уютного, чем общая бытовка. Постучал.

- Войдите! - пропела она изнутри.

Я открыл дверь. Анна стояла у небольшого столика, на котором были разложены тарелки с едой. Домашней едой. Макароны по-флотски с котлетами, источающие пар, аккуратно нарезанный овощной салат в пиале, ломтики черного хлеба на дощечке. И два пластиковых стаканчика с компотом.

- Вы пунктуальны, - улыбнулась она, поправляя волосы. - Люблю пунктуальных мужчин. Проходите, присаживайтесь.

Я сел на пластиковый стул напротив нее. Вагончик был прогрет обогревателем, пахло все теми же духами и теперь еще едой.

- Угощайтесь, - протянула она мне одноразовую вилку. - Это я сама готовила. Хотелось домашнего, знаете ли. Надоела эта стройкомовская столовка.

Я наколол несколько макарон с мясом, отправил в рот. Есть не хотелось совершенно. Во рту было сухо, а внутри уже разгорался совсем другой огонь. Я жевал, не чувствуя вкуса, и смотрел на нее. Она говорила. О работе, о себе, о каких-то путешествиях на Мальдивы, о йоге по утрам. Я слушал вполуха, скользя взглядом по ее лицу, шее, ключицам, выглядывающим из выреза платья. Красивая. Безумно красивая. И такая доступная, что кружилась голова.

- А вы? - спросила она, когда темы для непринужденной беседы иссякли. - Чем живете кроме работы? Есть у вас какое-то хобби, страсть? Ну, кроместроек, разумеется.

- Семей, - ответил я коротко. Слово вырвалось само, как защитная реакция.

- А, да, вы женаты, - протянула она, и в голосе ее послышалась легкая, едва уловимая насмешка. - Счастливы?

- Не очень, - ответил я честно. И сам удивился своей честности.

- Тогда зачем? - Она подалась вперед, через стол, и коснулась кончиками пальцев моей руки. Ее глаза смотрели прямо в душу. - Жизнь одна, Максим Андреевич. Надо брать от нее все. Пока есть возможность, пока молодые, здоровые. А вы сидите здесь, на этой стройке, с таким лицом, будто весь мир на плечах несете. Расслабьтесь.

- Поехали, - сказал я, принимая решение. - Снимем номер. На пару часов.

Она не стала спрашивать «зачем». Она просто кивнула, медленно, с понимающей улыбкой.

В такси мы целовались. Жадно, нетерпеливо, захлеб, будто пытались наглотаться воздуха перед тем, как нырнуть в воду. Ее руки блуждали по моему телу, расстегивали пуговицы пальто, забирались под свитер. Мои руки шарили по ее спине, по бедрам, сжимали упругую плоть. Водитель, мужик лет пятидесяти с усталыми глазами, косился в зеркало заднего вида, но нам было плевать. Весь мир сузился до разме-

ров салона автомобиля, до жара наших тел, до этого безумного, пьянящего ощущения запретного.

В гостинице - первой попавшейся, с безликим номером и огромной кроватью, застеленной безликим бельем, - мы едва дождались, пока за нами закроется дверь.

- Раздевайся, - скомандовал я, уже срывая с себя пальто и бросая его прямо на пол.

Она не заставила себя упрашивать. Плавным движением стянула платье через голову и осталась передо мной в кружевном белье. Черном, почти прозрачном, которое не скрывало, а подчеркивало. Тело у нее было идеальное - спортивное, подтянутое, с плоским, как доска, животом и высокой, упругой грудью. Все то, чего не было у Ирины. Все то, по чему я, оказывается, так отчаянно соскучился.

Я подошел к ней, развернул спиной, прижал к стене, обитой дешевыми обоями. Она выгнулась, подставила шею для поцелуев. Я впился губами в ее кожу, кусал, проводил языком, спускался ниже, к плечам, к лопаткам. Она пахла потом и духами, и этот запах, смешанный, резкий, пьянил сильнее вина.

- Быстрее, - выдохнула она хрипло, запрокидывая голову.
- Я хочу тебя. Сейчас же.

Я расстегнул брюки, отбросил их в сторону. Она мгновенно опустилась на колени.

Ее рот - горячий, влажный, невероятно умелый. Она знала, что делает, и делала это так, что у меня темнело в гла-

зах. Я зарылся пальцами в ее волосы, зажмурился. Наслаждение накатывало мощными, обжигающими волнами, смывая все мысли, все сомнения. Я пытался представить, что это Ирина. В моих фантазиях у нее была такая же тонкая талия, длинные ноги, идеальные скулы. Но перед внутренним взором стояла другая. Чужая, почти незнакомая женщина. И почему-то от этого осознания острота ощущений становилась только невыносимее.

- Хватит, - выдохнул я, рывком поднимая ее с колен.

Я повалил ее на диван, входя резко, без предисловий, без нежности. Она вскрикнула - то ли от боли, то ли от удовольствия, - и тут же застонала, впиваясь ногтями в мою спину, царапая кожу. Мы двигались жестко, быстро, почти агрессивно, как звери. Никаких чувств, никакой нежности. Только тела, сплетенные в диком танце. Только страсть, вырвавшаяся на свободу. Только разрядка, в которой я отчаянно нуждался.

Она кончила быстро - слишком быстро, выгнувшись дугой и закричав. Я продолжал двигаться, чувствуя, как сжимаются вокруг меня ее мышцы, и через минуту кончил сам, уткнувшись лицом в ее грудь, тяжело дыша.

В голове - звенящая, ватная пустота. Только где-то на задворках сознания, в самом темном, самом дальнем углу, шевельнулось что-то липкое и холодное. Чувство вины. Ирина сейчас дома. Лежит одна в пустой квартире, боясь пошевелиться. Ждет меня. Верит. А я... я здесь, с чужой женщиной,

в дешевом номере, предаю ее надежду.

Глава 3

Ирина

Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Я считала. Потому что больше считать было нечего. Время превратилось в вязкую субстанцию, которая тянулась бесконечно, как жевательная резинка, прилипшая к подошве. Каждое утро начиналось одинаково: я открывала глаза и первым делом прислушивалась к себе. Замирала, затаив дыхание, пытаюсь уловить малейший сигнал из глубины тела. Не тянет ли низ живота? Нет ли противных, ноющих ощущений? Нет ли выделений - тех самых, коричневых, которые означают конец надежды? Все ли в порядке там, внутри, где сейчас, возможно, зарождается новая жизнь?

Макс уезжал на работу рано. Я слышала, как он тихо, стараясь не шуметь, собирается в ванной, как жужжит его электробритва, как шуршит одежда. Он подходил к кровати, осторожно, чтобы не разбудить, целовал меня в лоб и шептал: «Лежи. Я позвоню». Я притворялась спящей. Не потому, что хотела спать, а потому что боялась открыть глаза и увидеть в его взгляде что-то, чего видеть не хотелось. Раздражение? Усталость? Разочарование? После его ухода я лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Бесконечный, белый, равнодушный.

День начинался. Солнце медленно ползло по комнате, ме-

няя тени, высвечивая пылинки в воздухе. Я смотрела в окно, в телефон, в одну точку на стене. Отвечала на сообщения Кати, которая волновалась и обещала приехать, но все никак не могла вырваться с работы. Листала ленту в соцсетях, где все вокруг жили обычной, нормальной, живой жизнью. Люди работали, гуляли с детьми, смеялись в кафе, пили кофе, занимались спортом, путешествовали. А я лежала пластом в кровати, боялась чихнуть, боялась кашлянуть, боялась лишний раз повернуться на бок. Я превратилась в овощ. В дорогой, тепличный овощ, который выращивают для единственной цели - дать плод.

Врач сказала: две недели строжайшего постельного режима. Никаких нагрузок, никаких стрессов, только положительные эмоции. Легко сказать. Легко давать советы, когда ты не лежишь пластом в четырех стенах, когда у тебя есть работа, общение, движение. На третий день я начала сходить с ума. Медленно, но верно. Голова шла кругом от безделья, мысли становились липкими, тягучими, как патока. Они заползали в мозг и начинали там хозяйничать, рисуя самые мрачные сценарии.

- Макс, - позвонила я ему в обед, когда тишина в квартире стала совсем невыносимой. - Поговори со мной. Пожалуйста. Я тут одна, и мне кажется, я начинаю слышать голоса.

- Ир, я на совещании, - ответил он шепотом, напряженным, чужим. - Тут серьезные люди, инвесторы. Не могу. Перезвоню.

Он перезвонил через три часа, когда я уже успела представить себе все возможные катастрофы - от его измены до ядерной войны.

- Как ты? - спросил он. Голос уставший, рассеянный, будто он думает о чем-то другом, более важном.

- Нормально, - ответила я, хотя нормально не было. - Скучаю. Очень.

- Я тоже, - ответил он, но в голосе не было скуки. Была усталость. - Слушай, у меня тут запарка полная. Проект горит, сроки поджимают. Я сегодня, скорее всего, поздно. Очень поздно.

- Опять? - вырвалось у меня. Я не хотела, чтобы это прозвучало как упрек, но прозвучало.

- Ир, ну что я могу сделать? - в его голосе появились металлические нотки. - Работа. Ты же знаешь, стройка не ждет. Люди работают, я должен контролировать.

- Я понимаю, - ответила я, проглатывая комок в горле.

- Ты лежи. Я позвоню вечером, как освобожусь.

Он позвонил в одиннадцать вечера, когда я уже выучила все трещины на потолке наизусть. Мы поговорили минут пять. Он сказал, что устал как собака, что останется ночевать в офисе, потому что завтра с утра на объект, и что будет заниматься проектом всю ночь - сроки горят, отец насеждает. Я слушала его голос и чувствовала, как между нами вырастает стена.

Я лежала в темноте, и думала: так будет всегда? Если у

нас получится, если появится ребенок, он тоже будет пропадать на работе? Я буду одна с малышом на руках, буду ждать его, надеяться, что сегодня он придет пораньше? Буду кормить, укачивать, менять подгузники, пока он будет строить свою империю? Я гнала эти мысли прочь, как назойливых мух. Сейчас главное - выносить. Сохранить. Удержать эту хрупкую жизнь, которая, может быть, уже зародилась во мне. Остальное - потом.

На двенадцатый день во мне наконец что-то сломалось. Какая-то пружина внутри сжалась до предела и наконец отпустила. Я села на кровати. Голова закружилась, перед глазами заплясали пятна. Осторожно встала и, прижимая руку к стене, словно столетняя старуха, мелкими шажками побрела в туалет. Включила свет. И увидела то, что не могло не привести меня в ужас. Из зеркала смотрела чужая женщина. Ее лицо осунулось, кожа приобрела землистый оттенок. Под глазами — темные круги женщины, которая не спала неделю. Жирные, тяжелые, безжизненные волосы. Я понюхала себя и не смогла сдержать гримасу. Залежавшееся белье, грязь, пот, отчаяние. Я не мылась. Лежала. Не решалась сделать лишнее движение. Я превращалась в запущенное, грязное животное. Мне было стыдно. Жар заливал мои щеки. Стыдно перед Максом, который приходил домой и видел меня такой. Стыдно перед собой, которая всегда следила за собой. Стыдно перед той маленькой крошкой, которая, возможно, прямо сейчас прикрепляется к стенке моей мат-

ки. Неужели я могла позволить ребенку начать свое существование в этом месте, с этим запахом грязи и отчаяния? Я приняла душ. И вода, стекая по моему телу, смыла не только грязь, но и часть отчаяния. Вымыла голову — быстро и не слишком тщательно — высушила волосы феном. Надела свежую футболку, чистое белье, мягкие хлопковые домашние штаны. Я снова взглянула в зеркало. Немного лучше. Не кукла, но хотя бы нормальная женщина. Я вернулась в кровать — чуть менее жалкая.

Макс приехал вечером. Увидел меня, и в его глазах мелькнуло удивление.

- Ты мылась? - спросил он, снимая пальто.

- Да, - ответила я. - Надоело быть свиньей.

- Ир, тебе нельзя напрягаться. Врач же сказала - никакой активности.

- Я осторожно. Очень медленно. Честно.

Он сел на край кровати, взял мою руку в свои ладони. Смотрел на меня долго, изучающе. В его взгляде было что-то новое, что-то, чего я не видела уже давно.

- Ты красивая, - сказал он вдруг тихо.

Я усмехнулась, дернула уголком губ:

- Врешь. Я сейчас страшная, как смерть.

- Нет, - покачал он головой. - Правда. Даже сейчас, бледная, с этими синяками под глазами... ты красивая. Моя.

У меня защемило в носу, глаза наполнились слезами. Я отвернулась, чтобы он не видел, как по щеке покатилась пре-

дательская капля.

- Иди сюда, - прошептала я, приподнимая край одеяла.

Он разделся и лег рядом, поверх одеяла, обнял меня, прижал к себе крепко-крепко, как будто боялся, что я растворюсь, исчезну. Мы лежали молча, слушая дыхание друг друга. Его грудь вздымалась и опускалась под моей щекой, сердце билось ровно и сильно. И впервые за эти дни бесконечного одиночества я почувствовала, что я не одна. Что мы все еще вместе. Что он все еще мой.

- Макс, - прошептала я, уткнувшись носом в его плечо.

- Ммм? - отозвался он сонно.

- А если не получится?

Он молчал. Так долго, что я уже решила - не ответит. Тишина давила на уши, пульсировала в висках.

- Получится, - сказал он наконец. - Должно получиться.

Но в его голосе не было уверенности. Ни капли. Только усталость и обреченность.

Телефон стал моим единственным окном в мир, моей спасательной шлюпкой в океане одиночества. Я листала новости, переписывалась с Катей, читала форумы для беременных. Там, на этих форумах, кипела своя жизнь. Женщины обсуждали свои первые тесты, первые УЗИ, первые шевеления. Они выкладывали фото полосатых тестов, животиков на ранних сроках, счастливые селфи из кабинетов УЗИ. У всех все получалось. У всех была надежда. Они были счастливы. А я завидовала им черной, липкой завистью. Почему

у них получается, а у меня нет? Чем я хуже?

Катя приехала на тринадцатый день. Ворвалась в квартиру, как ураган, с пакетами продуктов, шумная, живая, настоящая - глоток свежего воздуха в моем склепе.

- Лежи, лежи! - замахала она руками, едва я попыталась приподняться. - Даже не вздумай встать! Я сама все сделаю, я тут главный повар-официант-уборщик.

Она гремела на кухне, и я лежала и слушала эти звуки - такие простые, такие забытые, такие родные. Ложка о кастрюлю, вода из крана, шипение сковородки, стук ножа по разделочной доске. Эти звуки были музыкой, симфонией нормальной жизни, из которой меня вырвали.

- На, - Катя принесла тарелку с дымящимся супом, уселась на край кровати. - Ешь давай. А то на себя не похожа, смотреть страшно. Кожа да кости.

Я ела, а она рассказывала. О работе, о новых проектах, о мужиках, которые клеятся, о начальнике-идиоте, о подруге, которая выходит замуж. Травила анекдоты, громко смеялась, строила планы на Новый год. Я слушала ее щебетание и чувствовала, как внутри что-то оттаивает. Впервые за девять дней я улыбнулась по-настоящему.

- Ир, - спросила она вдруг, и голос ее стал серьезным, без привычной игривости. - А Макс как? Поддерживает? Не забывает про тебя?

- Да, - ответила я, может быть, слишком поспешно. - Нормально все.

- Нормально? - переспросила она, прищурившись. - Это как? Приходит вовремя? Цветы дарит? Разговаривает?

- Работает много, - уклончиво ответила я. - Приходит поздно. Устает.

Катя поджала губы. На ее лице появилось выражение, которое я знала с детства - она что-то знает, но не решается сказать.

- Слушай, - начала она осторожно, покусывая губу. - Ты только не обижайся, ладно? Я тебе как подруга, по-честному. Я видела его на прошлой неделе. С какой-то девкой.

У меня внутри все оборвалось. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, часто-часто.

- С какой девкой? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Не знаю. Молодая, стройная, ноги от ушей. В коротком платье, несмотря на ноябрь. Они сидели в кафе на набережной, пили вино. Он ей улыбался. Не так, как коллегам, Ир. По-особенному.

Я молчала. Смотрела на Катю и не могла выдохнуть. Воздух застрял в легких колючим комком.

- Ир, может, показалось? - быстро добавила она, увидев мое лицо. - Может, это просто коллега по работе, обсуждали проект? Он же архитектор, у него там куча народу. Или клиентка. Всякое бывает.

- Может, - ответила я, но голос был чужим, механическим. Катя задержалась еще ненадолго и вовлекала меня в пу-

стю болтовню, прежде чем начала собирать свои вещи. Она ушла домой. Я осталась единственной обитательницей комнаты. Подошла к зеркалу. Посмотрела на то, кем я стала. Искаженная гормонами, бесформенная и мягкая, с выпирающим животом — не из-за беременности, а просто из-за вздутия от лекарств. Я вспомнила, как в последнее время Макс не мог удержать на мне взгляд, когда я раздевалась. Он перестал ласкать меня перед сном. Он начал целовать меня в лоб, а не в губы. Он проводил все вечера в офисе. Все встало на свои места. Как картинка, до ужаса четкая. Если в этот раз не получится, он уйдет от нее. Я знала это, чувствовала каждой клеткой и каждой порой своей кожи. Если не получится, он бросит меня ради той, молодой и стройной, которая сможет родить ему ребенка. Я должна дать ему наследника. Любой ценой, потому что иначе я просто не нужна. Иначе я просто отработанный ресурс, неудачный случай, как неудачный эксперимент.

Я должна сделать тест. Прямо сейчас! Я направилась в ванную. Достала маленькую коробочку, которую купила в аптеке еще до нашей операции, на все возможные случаи. Дрожа, разорвала упаковку. Выполнила все необходимые манипуляции в соответствии с инструкцией. Опустила тест в стаканчик, оставила его пропитываться, а затем положила на край раковины. Я стояла и ждала.

Три минуты. Сто восемьдесят секунд. Я считала каждую, глядя на секундную стрелку часов, висящих на стене. Секун-

да. Две. Десять. Пятьдесят. Сто. В голове было пусто, только стук крови в ушах. На шестидесятой секунде я не выдержала. Подошла и посмотрела.

Одна полоска. Яркая, четкая, жирная. Контрольная. Второй полоски не было. Вообще. Даже намек, даже призрака, даже бледной тени.

Я смотрела на тест, не веря своим глазам. Перевернула его, поднесла к свету, вглядывалась до рези в глазах. Может, там есть? Может, она просто очень бледная, еле заметная? Может, надо подождать еще? Нет. Одна. Чисто. Пусто.

Я вышла из ванной, как робот, механически переставляя ноги. Легла обратно в кровать. Положила тест на тумбочку, рядом с недопитой кружкой чая. Смотрела на него и не чувствовала ничего. Пустота. Абсолютная, звенящая пустота внутри.

Макс позвонил вечером, как обычно. Голос в трубке звучал устало, но ровно.

- Как ты, моя хорошая? - спросил он дежурно.

Я молчала. Смотрела на тест и молчала.

- Ир? - в его голосе появилась тревога. - Алло? Ты меня слышишь? Что случилось?

- Тест отрицательный, - сказала я, и мой голос прозвучал как у робота - ровно, безжизненно, мертво. - Сделала сегодня.

Пауза. Длинная, тяжелая, наполненная статикой и моим дыханием.

- Может, рано еще? - спросил он наконец, но в голосе не было надежды, только отчаяние. - Врач же говорила ждать две недели, ровно две недели. Гормональный фон еще не восстановился.

- Я не выдержала. Сделала сегодня. Одна полоска.

Он молчал. Я слышала в трубке его дыхание - тяжелое, прерывистое, как после долгого бега. Он молчал так долго, что я начала считать гудки в голове.

- Завтра сдашь кровь на ХГЧ, - сказал он наконец, и голос его звучал глухо, как из подземелья. - Это самый точный анализ. Узнаем точно.

- Хорошо, - ответила я.

- Ир... - начал он и замолчал.

- Что?

- Ничего. Скоро приеду. Ты ложись. Отдыхай. Я позвоню, как освобожусь.

Он отключился. Я осталась одна с тестом на тумбочке, с пустотой внутри и с этим проклятым потолком над головой.

Одна полоска. Одна. Как я.

Глава 4

Максим

Я пришел домой во втором часу ночи. Время было уже не просто поздним - оно было запредельным. Ключи в руках вели себя как живые - выскальзывали, звенели, никак не хотели попадать в замочную скважину. Проклятая мелкая моторика. В голове шумело, но не так чтобы сильно, не до потери пульса. Тот самый опасный градус, когда мысли уже путаются, тормозят, натыкаются друг на друга, но язык слушается почти идеально. Со стороны, наверное, и не скажешь, что пьян. Почти.

Дверь наконец поддалась, щелкнув замком громче обычного. Я ввалился в прихожую, вдохнул родной, знакомый до каждого атома запах дома. Включил свет, прищурился от резкого света лампочки и замер.

Ирина стояла в дверях спальни. Она была похожа на привидение. Бледная, с красными, опухшими от слез глазами, в старой, вытянутой футболке, которая висела на ней мешком. Стояла, прислонившись плечом к косяку, и смотрела на меня. Молчала. В этой тишине было что-то тяжелое, давящее, как перед грозой.

- Ты чего не спишь? - спросил я, старательно контролируя голос, чтобы слова звучали ровно и четко. Вроде получилось.

- Тебя жду, - ответила она. Голос тихий, почти шепот, но в

нем звенело что-то такое, отчего внутри сразу зашевелилось глухое раздражение.

- Я на работе задержался, - сказал я, снимая пальто и вешая его на вешалку. - Говорил же.

- До двух ночи? - спросила она, и в этом вопросе было все. и обида, и недоверие, и страх.

Я прошел в гостиную, не оборачиваясь, бросил портфель на диван. Слышал, как она идет за мной - шаркающие шаги, осторожные, будто она боится упасть. Или будто боится меня.

- Макс, - голос за спиной, тихий, но настойчивый. - Я тебе звонила. Раз пять. Ты не брал трубку.

- Телефон сел, - соврал я, не глядя на нее. Телефон лежал в кармане пальто, заряженный почти полностью. Я специально выключил звук, когда мы с Анной выходили из такси.

- Я волновалась, - сказала она, и голос дрогнул, поплыл. - Я тут лежу целыми днями одна, не знаю, что думать. Мало ли что случилось. Авария, сердце, еще что...

- Со мной все в порядке, как видишь, - ответил я, все еще стоя к ней спиной.

- Вижу, - помолчав, сказала она. - Ты пьян.

- Немного. Выпил с партнерами. Обмывали сделку.

- От тебя пахнет духами.

Я замер. Внутри все похолодело и тут же вспыхнуло. Вот черт. Анна висела на мне весь вечер, терлась, как кошка, целовала в шею прямо в лифте ресторана. Наверное, запах

въелся в кожу, в одежду, в волосы. Я думал, что выветрится на морозе, пока шел от такси до подъезда. Не выветрилось.

- Ир, не выдумывай, - сказал я, стараясь, чтобы голос звучал максимально спокойно. - Просто ресторан, много людей. Там все друг об друга трутся, особенно когда выпьют. Нацеплял всякого.

- Катя видела тебя в кафе на набережной, - сказала она, и голос ее стал тише. - С девушкой. Молодой, красивой.

Я выдохнул, медленно, через нос. Катя. Вечно эта Катя лезет не в свое дело. Сидит в своем офисе, пьет чай и считает чужие измены.

- Это архитектор из проектной группы, - сказал я, поворачиваясь к ней. - Мы обсуждали проект. Рабочий вопрос. Она наш подрядчик по фасадам.

- В одиннадцать вечера? - спросила она, и в глазах блеснули слезы. - Вы обсуждали фасады в одиннадцать вечера в кафе?

- Ир, хватит! - рявкнул я, и мой голос эхом заметался по комнате. - Я устал, у меня был тяжелый день, я пришел домой, чтобы хоть немного отдохнуть, а ты встречаешь меня допросом с пристрастием!

Она вздрогнула, отшатнулась, будто я ударил ее. В глазах, и так влажных, блеснули новые слезы, потекли по щекам.

- Я не допрашиваю, - сказала она тихо, почти неслышно. - Я просто... я боюсь, Макс. Очень боюсь.

- Чего ты боишься? - спросил я, уже спокойнее.

- Тебя потерять.

Я посмотрел на нее. Стоит посередине гостиной, маленькая, жалкая, сгорбленная, в этой дурацкой футболке, которая когда-то была моей. Располневшая на гормонах, заплаканная, несчастная, с синяками под глазами и тусклыми волосами. И ничего, абсолютно ничего не осталось от той Ирины, на которой я женился три года назад. От той яркой, смешливой девчонки с искрами в глазах, от которой у меня захватывало дух.

- Ир, - сказал я устало. - Иди ложись. Мне завтра рано вставать, на объект с утра.

- Макс, поговори со мной, - попросила она, делая шаг ко мне. - Пожалуйста. Не отмахивайся.

- О чем? - спросил я, глядя на нее.

- О нас. О том, что с нами происходит. Я же чувствую, что-то не так.

- Ничего не происходит, - отрезал я, отворачиваясь к окну. - Все нормально.

- Не нормально. - Она подошла ближе, я слышал ее дыхание за спиной. - Ты приходишь поздно, почти не разговариваешь со мной, не прикасаешься... Я чувствую, что ты отдаляешься. Ты становишься чужим.

- Ир, ты сейчас на постельном режиме, - сказал я, не оборачиваясь. - Врач сказал - никаких нагрузок, никаких стрессов. Тебе нельзя. Я просто стараюсь не провоцировать, не создавать лишнего напряжения.

- Дело не в сексе, - покачала она головой, и я услышал, как дрожит ее голос. - Дело в том, что ты перестал меня замечать. Ты смотришь сквозь меня. Как будто меня нет.

- Глупости, - бросил я.

- Не глупости. - Она сглотнула, помолчала, собираясь с силами. - Я знаю, что изменилась. Что стала толстой, страшной, некрасивой. Я вижу себя в зеркале. Но я стараюсь, Макс. Честно, стараюсь. Ради нас. Ради ребенка, который, может быть... если повезет. Ты можешь хоть немного меня поддержать?

Я смотрел на ее отражение в темном стекле. На эту сгорбленную фигурку, на эти трясущиеся плечи. И чувствовал, как внутри закипает злость. Не на нее. На себя. На ситуацию. На этот бесконечный, замкнутый круг, из которого нет выхода.

- Поддержать? - переспросил я, поворачиваясь к ней. - Я тебя поддерживаю каждый день, Ира. Я оплачиваю эти бесконечные клиники, лучших врачей, все процедуры. Я терплю твоё настроение, твои слезы, твои истерики. Я прихожу домой после пятнадцатичасового рабочего дня и делаю вид, что все хорошо, что я счастлив, хотя сам уже на стенку лезу от этого всего!

- Терпишь? - переспросила она, и в ее глазах мелькнуло что-то страшное. - Ты меня терпишь?

- А ты думала, мне легко? - Я уже не мог, не хотел останавливаться. Слова рвались наружу, как вода из прорванной

плотины. - Четыре попытки, Ира. Четыре! Каждый раз надежда, каждый раз мы верим, молимся, ждем. И каждый раз - пусто. Разочарование. Я устал. Я просто устал надеяться.

- Я тоже устала, - прошептала она, и слезы хлынули сильнее. - Очень устала.

- Так что ты хочешь от меня? - спросил я, и голос мой звучал жестко, почти жестоко. - Чтобы я врал тебе, что все хорошо? Чтобы улыбался, когда внутри пустота?

- Чтобы ты был рядом, - сказала она сквозь слезы. - Чтобы любил меня. Чтобы не смотрел на других.

- На других? - я усмехнулся, и усмешка вышла злой, кривой. - Ира, я мужчина. У меня есть потребности. Физиологические, понимаешь? А ты сейчас... - я осекся, но было поздно.

Она замерла. Застыла, как статуя. В глазах - такая боль, такая бездна отчаяния, что мне стало физически не по себе, засосало под ложечкой.

- Что я? - спросила она тихо, едва шевеля губами. - Договаривай.

- Ты сама понимаешь, - сказал я, отводя взгляд. - Тебе нельзя. Врач сказал - никаких нагрузок. Я не могу к тебе прикасаться. Мы живем как соседи по коммуналке.

- И поэтому ты идешь к другим? - спросила она, и в голосе ее не было злости, только боль.

- Я не хожу к другим! - рявкнул я, чувствуя, как краснеют уши. - Сколько можно повторять?

- А девушка в ресторане?

- Я же сказал - архитектор!

- А духи? - она сделала шаг ко мне, вглядываясь в лицо. -

Чьи это духи, Макс? Я такие не ношу.

- Заткнись, Ира! - рывкнул я так, что она вздрогнула и отшатнулась, как от пощечины. - Хватит меня пытаться! Хватит!

Слезы хлынули по ее щекам градом, она даже не пыталась их вытирать. Стояла и смотрела на меня, и в этом взгляде было столько боли, что у меня внутри все перевернулось.

- Ты не должен становиться монахом, - сказала она тихо, размазывая слезы по щекам. - Я понимаю. Я все понимаю. Но ты мог бы просто поговорить со мной. Объяснить. Сказать, что тебе трудно. А не врать и не пропадать ночами, заставляя меня сходить с ума от страха и ревности.

Я выдохнул. Злость схлынула так же внезапно, как и накатила, оставив после себя опустошение и глухой, липкий стыд. Я посмотрел на нее - на эту женщину, которую когда-то любил больше жизни, ради которой готов был горы свернуть, и мне стало так стыдно, как не было стыдно никогда.

- Ир, - я подошел к ней, обнял, прижал к себе. Она сначала напряглась, будто не веря, потом обмякла, прижалась, уткнулась лицом мне в грудь. Плечи ее вздрагивали от рыданий, она плакала беззвучно, только тряслась вся.

- Прости, - сказал я в ее макушку, вдыхая запах ее волос - знакомый, домашний, такой родной. - Прости меня, дурака. Сорвался. Устал очень. На нервах.

Она молчала. Только плакала, сжимая мою рубашку пальцами. Я гладил ее по спине, по волосам, по плечам, шептал что-то бессвязное, успокаивающее. В голове было пусто и холодно. Только стыд - глухой, тяжелый, как бетонная плита.

- Я не изменял тебе, - сказал я, и в этот момент, странно, я почти верил в то, что говорю. - Честно, Ир. Просто выпил лишнего с коллегами. Заболтался, засиделись. Духи? Не знаю, откуда. Наверное, в лифте нацеплял, там вечно толкучка, бабы трутся.

Она подняла голову, посмотрела на меня заплаканными, красными глазами. В них была надежда. Такая отчаянная, детская надежда, что у меня сердце сжалось.

- Правда? - спросила она шепотом.

- Правда, - ответил я, глядя ей прямо в глаза.

Она кивнула. Поверила. Или сделала вид, что поверила. Разницы уже не было.

- Прости меня, - прошептала она, утыкаясь мне в грудь. - Я просто с ума схожу в этих четырех стенах. Целыми днями одна, смотреть не на что, только потолок и мысли. А мысли, они знаешь, какие плохие бывают...

- Я понимаю, - сказал я, вытирая слезы с ее щек большими пальцами. Кожа под пальцами была горячей, влажной. - Иди спать. Я сейчас приду, только умоюсь.

- Ты со мной? - спросила она с такой надеждой, что у меня внутри все перевернулось.

- Да. Обещаю.

Она кивнула, разжала руки и медленно, шаркающей походкой побрела в спальню. Я смотрел ей вслед, на эту сгорбленную спину, на вздрагивающие плечи, и чувствовал себя последним подонком.

Я остался один в гостиной. В голове шумело, но уже не от алкоголя - от мыслей. Я не сказал ей про Анну. Не сказал про сегодняшний вечер, про такси, про гостиницу, про то, как мы сосались в машине, пока водитель делал вид, что смотрит только на дорогу. Не сказал, что думал о другой, о ее теле, о ее губах, о ее руках, пока моя жена лежала одна в пустой квартире и считала часы до моего возвращения.

Ирина права. Я отдаляюсь. Я становлюсь чужим. Но что я могу сделать? Как остановить то, что уже началось? Я не знаю.

Я прошел в ванную, включил холодную воду, умылся. Ледяная вода обожгла лицо, прогнала остатки хмеля. Я поднял голову и посмотрел в зеркало. Из зеркала на меня смотрел чужой мужчина с красными глазами, осунувшимся лицом, с темными кругами под глазами. Тридцать шесть лет, а чувствую себя на пятьдесят. Или на все сто.

В спальне горел ночник - тусклый, уютный свет. Ирина лежала на спине, уставившись в потолок. Увидев меня в дверях, повернула голову и улыбнулась слабо, виновато.

- Иди ко мне, - позвала она тихо.

Я лег рядом, обнял ее. Она сразу прижалась ко мне всем телом, уткнулась носом в плечо, как делала всегда раньше,

в первые годы нашей жизни. Теплая, мягкая, родная. Моя жена.

- Макс, - прошептала она в темноту.

- Да?

- Я хочу, чтобы у нас все было хорошо. Правда хочу. Очень.

- Будет, - ответил я, глядя в темный потолок. - Обязательно будет.

Я сам не верил в то, что говорил. Но ей нужно было это слышать. Ей нужна была надежда. Она уснула первой, сжимая мою руку, прижавшись щекой к моему плечу. Дышала ровно, спокойно, как ребенок.

Я лежал с открытыми глазами и думал о том, как мы дошли до жизни такой. Когда-то мы были счастливы. Когда-то я смотрел на нее и не мог поверить своему счастью. А теперь? Теперь я вру ей, изменяю, предаю нашу любовь. И не знаю, как остановиться.

Глава 5

Ирина

Я проснулась от того, что Макс больше не обнимал меня. Это было первое, что я осознала - холод там, где еще недавно было его тепло. Он лежал на своей половине кровати, отвернувшись к стене, и ровно, глубоко дышал. Спокойный сон человека, которого не мучают кошмары. Я осторожно, стараясь не шуметь, подвинулась к нему, чтобы прижаться к его спине, вдохнуть знакомый запах, почувствовать себя в безопасности. И вдруг замерла. Влажность. Что-то мокрое, липкое между ног.

Сначала я не поняла. Спросонья мозг отказывался обрабатывать сигналы тела. Я лежала неподвижно, пытаюсь осознать это странное, чужеродное ощущение. А потом до меня дошло. Сердце пропустило удар - долгий, мучительный, - а потом забилося где-то в горле, часто, панически, как птица в клетке. Медленно, боясь пошевелиться, боясь подтвердить свои худшие страхи, я опустила руку вниз, под одеяло. Пальцы коснулись влажной, горячей ткани. Кровь.

Я поднесла руку к глазам. На пальцах, на ладони - алая, липкая, страшная. Она пахла железом и смертью. Я смотрела на свои окровавленные пальцы и не могла поверить. Не могла принять. Этого не может быть. Не может. Только не после двух недель молитв, надежд, неподвижного лежания.

Только не сейчас, когда я уже начала верить.

- Макс, - позвала я шепотом.

Он не ответил. Даже не пошевелился.

- Макс!

Он вздрогнул, заворочался, повернулся ко мне. Посмотрел сонными, мутными глазами, еще не понимая, что происходит. Потом перевел взгляд на мою руку, которую я протянула к нему, как улику. И замер. В его глазах медленно, как рассвет, разгоралось понимание.

- Что это? - спросил он тихо, и голос его был странно спокойным. Слишком спокойным.

- Я не знаю, - прошептала я, и слезы уже текли по щекам.

- Я проснулась, а оно...

Он сел на кровати, рывком, откинув одеяло. Смотрел на меня, на мои руки, которые я уже не знала, куда деть, на простыню, которая на глазах пропитывалась красным, расплзалась алым пятном, как промокашка. В его глазах я видела, как сменяются эмоции. Сначала шок, ледяной, парализующий. Потом страх, животный, липкий. А потом что-то другое. Что-то темное, тяжелое, чужое. То, чего я никогда раньше не видела в его взгляде.

- Нет, - сказал он, и это было не отрицание, а констатация факта. - Только не это.

- Макс, вызови скорую, - попросила я, чувствуя, как низ живота начинает скручивать тупой, нарастающей болью. - Пожалуйста, мне очень плохо.

Он не двигался. Сидел, уставившись на меня, и не двигался. В его взгляде не было жалости. Ни капли. Только злость. Глубокая, застарелая, которую он, оказывается, носил в себе все это время.

- Четвертая попытка, - произнес он, и голос его был чужим, холодным, как лезвие ножа. - Четыре раза, Ира. Ты понимаешь, сколько это стоило? Сколько денег я вбухал в эти клиники? Сколько нервов?

- Макс, пожалуйста, скорая... - боль усиливалась, скручивала внутренности узлом, отдавала в поясницу.

- Сколько можно? - Он вскочил с кровати, заметался по комнате, как зверь в клетке. - Я вкладываю в это все, я терплю твои истерики, твои слезы, твое вечное нытье, я жду, я надеюсь. И что? Каждый раз одно и то же! Каждый раз, мать твою, одно и то же!

Я попыталась сесть, опираясь на локти. Голова закружилась так сильно, что комната поплыла перед глазами. Стены качнулись, потолок накренился, и я упала обратно на подушку. Кровь потекла сильнее, я чувствовала, как она пропитывает простыню, как становится мокро, горячо и бесконечно страшно.

- Мне в больницу, - прошептала я, хватая ртом воздух. - Мне нужно в больницу. Я умираю.

- Да какая разница? - рявкнул он, и его голос эхом заметался по спальне. - Все равно уже ничего не спасти! Ты же понимаешь, да? Если кровь пошла на таком сроке - все, ко-

нец! Амба! Нет больше никакого ребенка!

Каждое слово било, как пощечина. Я смотрела на него сквозь пелену слез и боли и не узнавала. Это был не мой Макс. Не тот мужчина, который три года назад стоял передо мной на коленях в парке и клялся, что будет любить меня вечно. Не тот, который обещал быть рядом в любой беде, в любой болезни, в любом горе. Это был чужой, злой, разочарованный мужчина, который смотрел на меня с такой ненавистью, будто я была виновата во всех его бедах.

- Ты даже стараться перестала, - продолжал он, расхаживая по комнате. Я видела его ноги, мелькающие перед глазами. - Посмотри на себя! На кого ты похожа? На чучело! Развалина!

- Гормоны, - прошептала я, чувствуя, как сознание уплывает. - Это гормоны, Макс. Ты же знаешь, это лечение. Я не виновата.

- Гормоны, - передразнил он, кривляясь. - Вечно у тебя гормоны. Вечно ты больная, уставшая, несчастная жертва! А я? Я тоже человек! Я тоже хочу нормальной жизни! С нормальной женой, которая не рыдает целыми днями, не разваливается на глазах и может родить ребенка, как любая баба с рынка!

- Я стараюсь, - слезы текли ручьем, заливали уши, капали на подушку. - Я очень стараюсь, Макс. Ты не представляешь, как я стараюсь.

- Недостаточно стараешься, - отрезал он, и в голосе его бы-

ла сталь. - Видимо, просто не способна. Не та порода. Природа сказала свое слово, а мы с тобой, дураки, пытались ее обмануть.

Я закрыла глаза. Сил смотреть на него больше не было. Каждое слово вонзалось в сердце, оставляя кровавые раны. Я чувствовала, как жизнь уходит из меня вместе с кровью, как тает, растворяется в этой липкой луже, и не могла ничего сделать.

- Помоги мне, - прошептала я, не открывая глаз. - Пожалуйста, Макс. Я не хочу умирать.

Он остановился. Я слышала его дыхание - тяжелое, прерывистое. Потом шаги. Я открыла глаза и увидела, что он подошел к шкафу, открыл дверцу и достал с верхней полки чемодан. Наш большой, серый чемодан, с которым мы ездили в свадебное путешествие.

- Что ты делаешь? - спросила я, чувствуя, как внутри все обрывается.

- Собираю вещи, - ответил он спокойно, даже буднично, как будто речь шла о походе в магазин. - Я устал, Ира. Устал от этой пародии на брак. От твоей слабости. От твоего вечно больного вида. От того, во что ты превратилась.

- Ты не можешь уйти сейчас, - я попыталась сесть, опираясь на дрожащие руки. Голова закружилась так сильно, что перед глазами поплыли черные пятна. Пришлось лечь обратно. - Мне плохо. Очень плохо. Я, кажется, умираю.

- Вызови скорую, - бросил он, кидая в чемодан рубашки,

брюки, белье, не глядя, комком. - Ты же взрослая женщина, справишься без меня. Всегда справлялась.

- Макс, пожалуйста... - голос сорвался на хрип. - Не оставляй меня одну. Я боюсь.

- Я все решил. - Он щелкнул замками чемодана, и этот звук прозвучал как выстрел. - Оставлю документы у юриста. Свяжешься с ним, когда придешь в себя. Или не свяжешься - мне все равно.

Он пошел к двери, волоча чемодан за собой. Я смотрела на его спину - широкую, родную, такую любимую - и не верила, что это происходит на самом деле. Что это не страшный сон, не бред, а реальность.

- Ты пожалеешь, - сказала я тихо, почти беззвучно. - Когда-нибудь ты пожалеешь об этом дне.

Он остановился у двери. Замер на мгновение. Потом медленно обернулся и посмотрел на меня - на окровавленную, бледную, умирающую от боли и страха, лежащую в луже собственной крови.

- Может быть, - ответил он, и в его глазах не было ничего. - Но не сегодня.

Дверь хлопнула. Так сильно, что задрожали стены. Звук разнесся по пустой квартире и затих. Я осталась одна.

Я лежала и смотрела в потолок. Кровь текла, я чувствовала, как она пропитывает простыню, матрас, как стекает по ногам. Живот скручивало дикой, выворачивающей болью, которая накатывала волнами, заставляя терять сознание. Но

я не могла пошевелиться. Не могла дотянуться до телефона, который лежал на тумбочке в метре от меня. Не могла позвонить, позвать на помощь.

Я просто лежала и смотрела в белый потолок. Тот самый, который ненавидела все эти две недели. Теперь он казался мне саваном, который опускается на меня сверху.

Не знаю, сколько я так пролежала. Может, минуту. Может, час. Может, вечность. Время исчезло, растворилось, перестало существовать. Была только боль, кровь и белый, бесконечный потолок.

Потом, откуда-то издалека, сквозь ватную пелену, я услышала голос. Сначала тихий, неразборчивый, потом громче, настойчивее.

- Ира? Ира, черт возьми, ты дома? Открой!

Катя. Ее голос, резкий, звонкий, пробивался сквозь темноту. Я хотела ответить, позвать ее, но губы не слушались, голосовые связки отказывались работать. Я просто лежала и смотрела в потолок, слушая, как она колотит в дверь.

- Ира! Я знаю, что ты там! У тебя телефон недоступен, я волнуюсь! Открой, или я звоню в МЧС!

Удары в дверь становились сильнее, отчаяннее. Я собрала последние силы, все, что осталось.

- Катя... - прошептала я. Звук вышел тихий, как выдох. Но она слышала. Или мне показалось.

Дверь затряслась от мощных ударов. Она била в нее плечом, ногой, всем телом. Я не знаю, как я поползла. Не помню.

Остались только обрывки: пол под щекой, холодный, скользкий; рука, тянущаяся к замку; нечеловеческое усилие повернуть язычок.

Я сползла по стене, когда дверь распахнулась. Катя влетела в прихожую, едва не сбив меня с ног, и замерла, увидев эту картину.

- Охренеть, - выдохнула она, и глаза ее стали круглыми, как блюдца. - Ирка! Господи, Ирка!

Я попыталась улыбнуться, но, наверное, это вышло страшно. Grimаса, а не улыбка.

- Кровь, - сказала я, и голос мой был чужим, далеким. - Много крови.

Катя уже не слушала. Она рвала сумку, хватала телефон, кричала в трубку, размахивала свободной рукой, называла адрес, диктовала симптомы. Я слышала ее как сквозь вату. Потом она бросила телефон, села рядом со мной на холодный пол, взяла мою руку в свои - горячие, живые, дрожащие.

- Держись, - сказала она, глядя мне в глаза. - Слышишь, Ирка? Ты держись! Скорая уже едет, пять минут осталось.

- Он ушел, - прошептала я, и слезы потекли с новой силой. - Катя, он ушел. Бросил меня. Сказал, что устал.

- Козел, - выдохнула Катя, и в голосе ее было столько ненависти, сколько я никогда не слышала. - Мразь. Подонок. Плевать на него! Ты сейчас главное держись, слышишь? Ты сильная, ты справишься.

Я закрыла глаза. Темнота манила, обещала покой.

- Я не хочу, - прошептала я. - Я устала. Пустите.

- Ирка, не смей! - Катя трясла меня за плечи, больно, до синяков. - Не смей сдаваться! Ты слышишь меня? Ты сильная, ты справишься! Думай о чем-нибудь хорошем! О чем ты мечтала?

- Море, - прошептала я. - Я хотела к морю.

- Вот! - закричала она. - Море! Мы поедem к морю, как только ты поправишься! Я куплю нам путевки, и мы улетим! Только держись!

Я слышала ее голос сквозь нарастающий шум в ушах. Потом - вой сирены, топот ног, яркий свет фонарика в глаза, быстрые, резкие голоса. Меня грузили на носилки, Катя бежала рядом, держала за руку, кричала на врачей, чтобы были осторожнее. Потом темнота. Глубокая, беззвучная, мило-сердная.

Потом ничего.

Глава 6

Максим

В голове шумело так, будто там поселился целый улей. Перед глазами, как навязчивый кошмар, стояло ее лицо - Иринино лицо, белое, как та простыня, на которой она лежала. С глазами, полными такой боли, какую я не видел никогда. И кровь. Эта проклятая кровь - красная, липкая, въевшаяся в память, на простынях, на ее руках, на моих руках, хотя я к ней даже не прикасался.

Я ушел. Я просто взял и ушел из собственного дома. Из дома, который мы вместе выбирали, вместе обставляли, вместе делали уютным. Я ушел, бросив жену в луже собственной крови, потому что не мог больше на это смотреть. Не мог смотреть на ее распухшее от слез лицо, на которое страшно было глядеть без содрогания. Не мог смотреть на ее бесформенное, оплывшее от гормонов тело, которое когда-то сводило меня с ума, а теперь вызывало только глухое раздражение. Не мог смотреть на ее бесплодное чрево, которое снова и снова, в четвертый раз, убивало мои надежды. Наши надежды.

Я хлопнул дверью так, что, наверное, проснулись соседи, и поехал вниз в лифте, чувствуя, как с каждым пролетающим этажом становится легче дышать. Не потому, что я избавился от проблемы. Нет. Потому что я перестал притворяться.

Перестал изображать любящего мужа, заботливого и понимающего. Снял маску, которая душила меня последние месяцы.

В машине я закурил - хотя бросил год назад, выдержал все эти месяцы ломки, гордился собой. Руки дрожали так, что я едва попал зажигалкой в кончик сигареты. Первая затяжка ударила в голову, закружила, смешиваясь с адреналином и остатками алкоголя в крови. Я достал телефон, нашел ее номер. Анна.

- Привет, - сказал я, когда она ответила после второго гудка. - Я приеду.

- Сейчас? - удивилась она. - Макс, третий час ночи...

- Сейчас, - перебил я. - Если не хочешь - скажи, я найду, где еще перекантоваться. Не проблема.

- Приезжай, - перебила она уже меня, и в голосе явственно проскользнуло что-то новое. Что-то похожее на торжество. На удовлетворение. - Я скину адрес в вотсап.

Я отключился, даже не попрощавшись, и вдавил педаль газа в пол. Двигатель взревел, машина рванула с места, и ночной город поплыл за окном размытыми огнями.

Ее квартира находилась в новом, только что сданном доме на набережной. Стекло и бетон, пафосный минимализм, за который люди платят бешеные миллионы, чтобы чувствовать себя причастными к чему-то большому, к жизни красивых людей из глянцевого журналов. Я припарковался на гостевой стоянке, прошел через холл с консержкой, кото-

рая проводила меня подозрительным взглядом, и поднялся на лифте на двадцать пятый этаж. Вышел в коридор с мягким, приглушенным освещением и дорогими дверями, за которыми спали чужие люди с чужими жизнями.

Анна уже ждала - открыла дверь, едва я подошел, будто стояла за ней все это время. На ней был шелковый халат цвета шампань, распахнутый ровно настолько, чтобы было видно черное кружево белья, обрамляющее грудь. Волосы, пепельный блонд, распущены по плечам мягкими волнами. Губы накрашены - темно-красная, винная помада, которая делала ее похожей на роковую женщину из старых черно-белых фильмов. Она выглядела так, будто ждала гостя, а не проснулась от звонка.

- Макс, - выдохнула она, пропуская меня внутрь, и взгляд ее скользнул по мне, считывая состояние. - Ты какой-то... взвинченный. Случилось что?

Я прошел в гостиную, даже не взглянув на нее, не сняв пальто. Огромные окна от пола до потолка выходили на реку, на мосты, на огни ночного города, отражающиеся в черной воде. Красиво. Дорого.

- Коньяк есть? - спросил я, не оборачиваясь.

- Конечно. - Я слышал, как она подошла к бару - тяжело-му, из темного дерева, заставленному бутылками. Звякнули бокалы, булькнула жидкость.

Через минуту она оказалась рядом, протягивая мне тяжелый бокал на толстой ножке.

- Двадцатилетний «Хеннесси», - сказала она с легкой улыбкой. - Должен подойти для такого случая.

Я взял бокал, даже не глядя на нее, и залпом выпил половину. Обжигающая жидкость прокатилась по горлу, разлилась горячей волной в груди, ударила в голову, притупляя мысли.

- Макс... - начала она, делая шаг ко мне.

- Еще, - перебил я, протягивая бокал.

Она послушно налила еще, не задавая вопросов. Я снова выпил - медленнее, задерживая во рту, смакуя горечь, которая смешивалась с той горечью, что разъедала меня изнутри.

- Ты скажешь мне, что случилось? - спросила она тихо, забирая у меня пустой бокал и ставя его на столик. - Или так и будешь молчать и пить, пока не отключишься?

Я наконец повернулся к ней. В приглушенном свете торшера она выглядела потрясающе - ухоженная кожа, четкие скулы, длинная шея с дорогим кулоном. Халат распахнулся еще сильнее, открывая кружевной бюстгальтер, под которым угадывалась высокая, упругая грудь. Все продумано. Все просчитано.

- Я ушел от жены, - сказал я. Голос прозвучал ровно, буднично, будто я сообщал о том, что купил новый галстук.

Анна замерла на секунду. В глазах мелькнуло что-то быстрое, неуловимое - торжество? удовлетворение? - но она мгновенно справилась с лицом, надела маску сочувствия.

- Окончательно? - спросила она осторожно, склонив голо-

ву набок.

- А бывает неокончательно? - усмехнулся я криво.

Она не ответила. Вместо этого подошла ближе - так близко, что я почувствовал жар ее тела сквозь тонкий шелк, и запах духов стал невыносимо сладким.

- Ты правильно сделал, - сказала она мягко, почти мурлыкающая. - Если вы не подходите друг другу, если она не делает тебя счастливым - зачем мучиться? Зачем тянуть эту лямку?

Я смотрел на нее. Красивая. Стройная. Ухоженная. Все то, чего не было сейчас у Ирины. Все то, чего я, казалось, хотел. То, что должно было сделать меня счастливым.

- Ты даже не знаешь, что случилось, - сказал я, испытывая странное желание ударить ее этой правдой.

- Мне все равно. - Она пожала плечами с такой небрежной грацией, что халат соскользнул с одного плеча, обнажая черную бретельку и нежную кожу. - Ты здесь. Ты свободен. Остальное - неважно. Детали. Прошлые.

Я молчал. Смотрел на нее. На ее губы, на ее плечи, на ее грудь, которая тяжело вздымалась под тонким шелком в такт дыханию. И не чувствовал ничего, кроме пустоты.

- Расслабься, - шепнула она, подходя вплотную, почти касаясь меня грудью. - Забудь обо всем. Я помогу тебе забыть.

Ее руки легли мне на грудь, пальцы начали расстегивать пуговицы рубашки - медленно, одну за другой, сверху вниз. Она смотрела мне в глаза, не отрываясь, и в этом взгляде было что-то первобытное, охотничье. Самка, которая заманила

самца в ловушку.

- Ты знаешь, - прошептала она, расстегивая последнюю пуговицу и раздвигая полы рубашки, обнажая мою грудь, - я думала о тебе. Все эти недели. Каждую ночь. О том, как ты ко мне прикасался тогда, в гостинице. Как целовал. Как входил в меня.

Я закрыл глаза. И сразу же перед внутренним взором встала Ирина - бледная, в крови, с мольбой в глазах, с протянутыми ко мне руками. Я резко открыл глаза. Анна уже опустилась на колени.

- Хочешь забыть? - спросила она, глядя на меня снизу вверх, и в глазах ее плясали чертики. - Я помогу. Обещаю.

Она расстегнула мои брюки медленно, не спеша, смакуя каждое движение. Пальцы скользнули внутрь, освобождая меня, и я с удивлением понял, что уже твердый - адреналин, алкоголь и эта порочная, запретная ситуация сделали свое дело. Анна провела ладонью по всей длине, сжала у основания, и я зашипел сквозь зубы, запрокинув голову.

- Какой ты... - выдохнула она, глядя на меня с восхищением. - Готовый. Жаждающий. Прямо горишь.

Она наклонилась, и я почувствовал ее дыхание - горячее, влажное, щекочущее. Она провела языком по головке, едва касаясь, дразня, играя. Потом обвела круговыми движениями, вбирая в рот ровно настолько, чтобы я схватил ее за волосы от нетерпения, от этого сладкого, невыносимого ожидания.

- Не торопись, - выдохнула она, отстраняясь на миллиметр, и улыбнулась уголком губ. - Я хочу насладиться тобой. Не спеши.

Она взяла меня в рот - глубоко, медленно, погружая сантиметр за сантиметром, пока я не почувствовал, как она давится. Я чувствовал, как ее язык движется, как играет, как обводит каждый миллиметр. Она знала, что делала. Знала, как довести мужчину до исступления, до потери контроля. Я запустил пальцы в ее волосы, сжал, направляя, задавая ритм. Она подчинилась - взяла глубже, почти до горла, и я услышал, как она давится, но не остановилась. Только ускори-лась, задвигалась быстрее, ритмичнее.

- Анна, - выдохнул я, чувствуя, как напряжение нарастает.

Она подняла на меня глаза, продолжая двигаться, и в этом взгляде было столько откровенной, неприкрытой похоти, столько животного желания, что меня накрыло волной - нет, не нежности, не страсти, а какой-то темной, разрушительной энергии. Я рванул ее вверх, швырнул на диван. Она ахнула от неожиданности, но в глазах загорелся огонь - ей нравилось. Нравилось, когда грубо. Она хотела этого. Хотела, чтобы я взял ее силой, без нежности, без предисловий.

- Да, - выдохнула она, раздвигая ноги, халат распахнулся окончательно, обнажая кружево и тело. - Давай. Трахни меня. Сильно. Как зверь.

Я навалился сверху, разорвал тонкое кружево трусиков - к черту, потом куплю новые, десяток новых. Она засмеялась,

запрокинув голову, подставляя шею для поцелуев, для укусов. Я впился губами в ее шею, кусая, оставляя следы, спускаясь к ключицам, к груди. Ее грудь была упругой, высокой, с твердыми, набухшими сосками, которые ждали моих губ. Я взял один в рот, пососал, покусывая, и она застонала, выгибаясь навстречу, вжимаясь в меня.

- Еще, - простонала она, впиваясь ногтями в мои плечи. - Не останавливайся. Пожалуйста.

Я спустился ниже, развел ее ноги шире, встал на колени между ними. Она была уже влажной, готовой, ждущей. Я провел пальцем по складкам, собирая влагу, и ввел внутрь - медленно, дразня. Она вздрогнула, сжалась вокруг моего пальца, застонала громче.

- Хочу тебя, - выдохнула она, сжимая бедра. - Сейчас. Немедленно. Войди в меня.

Я поднялся, навис сверху, глядя ей в глаза. И вошел в нее одним резким, глубоким движением - до упора, до самого основания. Она закричала - громко, не сдерживаясь, запрокинув голову.

- Да! - закричала она. - Еще! Сильнее! Трахай меня!

Я двигался в ней жестко, ритмично, почти безжалостно. Каждый толчок был вымещением всей злости, всей вины, всего отчаяния, которое копилось внутри меня месяцами. Я брал ее, как берут тело - без души, без чувств, без нежности, просто чтобы заглушить боль. Просто чтобы не думать. Не вспоминать. Не чувствовать.

Анна стонала, выгибалась, царапала мне спину, оставляя красные полосы. Ее тело было послушным, идеальным инструментом. Оно двигалось в такт, подстраивалось под меня, требовало больше, глубже, сильнее. Я перевернул ее, поставил на колени, заставил упереться руками в спинку дивана и вошел сзади - еще глубже, еще жестче.

- Да! - кричала она, упираясь лбом в свои руки. - Трахай меня! Трахай! Не останавливайся!

Я схватил ее за волосы, откинул голову назад, входил в нее снова и снова, чувствуя, как сжимаются мышцы вокруг меня. Я хотел забыться, хотел потеряться в этом ритме, в этом чужом теле, в этом механическом движении. Но перед глазами, назло, все равно стояла Ирина. Ирина с кровью на руках. Ирина с мольбой в глазах. Ирина, которую я бросил умирать одну в луже крови.

Злость накрыла с новой, ураганной силой. Я вбивался в Анну так, будто хотел наказать ее - за что? За то, что она не Ирина? За то, что я не могу забыть свою жену, даже трахая другую? За то, что жизнь пошла наперекосяк, не по плану, не по сценарию?

Она кончила первой - громко, задрожав всем телом, выгнувшись дугой, сжимаясь вокруг меня пульсирующими, ритмичными волнами. Я почувствовал это, но не остановился. Продолжал двигаться, жестко, ритмично, пока не кончил сам - с хриплым рыком, уткнувшись лицом в ее вспотевшую спину, впиваясь пальцами в ее бедра.

Мы замерли. Тяжело, прерывисто дышали. Я все еще был внутри нее, чувствовал, как бьется ее пульс, как постепенно расслабляются мышцы, как возвращается реальность. Потом я вышел, откинулся на спинку дивана, уставился в потолок - чужой, белый, такой же равнодушный, как тот, что был у меня дома.

Анна рухнула рядом, тяжело дыша, положила голову мне на грудь, водила пальцем по моему животу, вырисовывая круги.

- Ничего так, - выдохнула она, все еще не отдышавшись. - Для первого раза. Ты умеешь удивить, Макс. Приятно удивить.

Я молчал. Смотрел в потолок и не чувствовал ничего. Абсолютно. Ни удовлетворения, ни облегчения, ни раскаяния. Только пустоту. Гулкую, звенящую пустоту внутри.

- Останешься? - спросила она через минуту, приподняв голову и заглядывая мне в глаза.

- Да, - ответил я механически. Потому что идти было некуда. Домой - нельзя. Там кровь и пустота. В машину - холодно и одиноко. К друзьям - стыдно.

- Я рада, - прошептала она, довольно улыбаясь и целуя меня в грудь, в шею, в подбородок. - Что ты пришел именно ко мне. Что ты выбрал меня.

Я промолчал. Что я мог ей сказать? Что пришел не к ней, а от жены? Что бегу не к ней, а от собственной жизни, от собственной вины, от собственного бессилия? Что она для

меня - просто дырка, просто способ забыться, просто тело, на котором я вымещаю злость?

Мы лежали в тишине, нарушаемой только нашим дыханием и далекими звуками ночного города за окном. Я думал об Ирине. О том, как она там сейчас. Одна. В крови. Может, в больнице. Может, умирает. Может, уже умерла.

Кольнуло совестью - остро, больно, как заноза. Но я заглушил этот укол злостью, привычной уже, отработанной. Сама виновата. Не смогла. Не справилась. Подвела меня. Подвела нашу семью. Разрушила наши надежды. Я имею право на счастье. Имею право на нормальную жизнь. Имею право на женщину, которая будет меня хотеть, а не рыдать вечно, не ныть, не портить мне нервы.

Анна засопела, засыпая, пригравшись на моей груди. Я смотрел в потолок и пытался ощутить эту свободу, о которой так мечтал. Свободу от больниц, от слез, от вечного напряжения. Свобода.

Если это можно было назвать свободой. Если это можно было назвать счастьем.

Я закрыл глаза. И сразу же, как наяву, перед внутренним взором снова возникло лицо Ирины. Белое, как та простыня. С глазами, полными боли. С протянутыми ко мне руками.

- Прости, - прошептал я в темноту, в никуда. - Я не хотел. Я не хотел, чтобы так вышло.

Но она не слышала. Она была там, в неизвестности, одна. А я был здесь, с чужой женщиной, с чужой жизнью, с чужой

квартирой, с пустотой внутри.

Глава 7

Ирина

Я открыла глаза и долго не могла понять, где нахожусь.

Сознание возвращалось медленно, толчками, как вода, закипающая в чайнике. Сначала просто свет - белый, режущий, непривычный после домашнего полумрака. Потом очертания: белый потолок с длинной трещиной, белые стены, металлическая стойка с капельницей у кровати. Запах - резкий, стерильный, больничный. Лекарства, хлорка, еще что-то чужое, неудобное. Больница. Я вспомнила.

Обрывками, как старую пленку: скорая, носилки, Катя, которая бежала рядом по коридору и кричала на врачей - требовала, чтобы были осторожнее, чтобы не сделали больно, чтобы спасли. А потом темнота. Глубокая, милосердная, без снов.

Я попыталась пошевелиться. Тело слушалось плохо, как ватное, чужое, налитое свинцом. Каждая мышца ныла, каждая клетка требовала покоя. Низ живота тянуло тупой, изматывающей болью - не острой, не схваткообразной, а постоянной, ноющей, как напоминание о том, что случилось.

Я опустила руку вниз, поверх больничного одеяла, коснулась живота. Под ладонью было пусто. Очередная неудачная попытка. Четвертая. Тест был отрицательный. Потом кровотечение. Потом он ушел. Все логично, все по сценарию, ко-

торый я уже выучила наизусть. Организм не справился. Как всегда не справлялся. Как всегда подводил в самый ответственный момент. Я закрыла глаза. Темнота. Спокойствие. Ничего.

В палате было тихо. Только капельница пищала где-то сбоку - мерно, ритмично, отмеряя капли жизни, вливающиеся в мои вены. Да за окном шумел город - далекий, чужой, равнодушный к моему горю. Я повернула голову - на тумбочке лежал телефон. Экран горел пропущенными вызовами. Катя - семь раз. Еще какие-то незнакомые номера, наверное, из больницы. Макса не было.

Я смотрела на экран и не чувствовала ничего. Ни злости, ни обиды, ни боли. Только пустоту. Гулкую, звенящую, как в пустом зале после концерта.

Он ушел. Бросил меня, истекающую кровью, одну в этой проклятой квартире. После всего, что было между нами - после трех лет брака, после клятв, после обещаний, после надежд - он просто собрал чемодан и ушел. Даже не оглянулся. Даже не вызвал скорую. Просто взял и исчез, как будто меня не существовало.

Дверь открылась с тихим скрипом, и вошла женщина в белом халате. Врач. Пожилая, с усталыми, мудрыми глазами и седыми волосами, собранными в тугую пучок на затылке. Она посмотрела на меня, потом на монитор, потом на капельницу - быстро, профессионально, считывая показатели.

- Очнулись, - сказала она. Голос у нее был спокойный, ров-

ный, как у человека, который видел сотни таких пробуждений. - Хорошо. Мы уже начали волноваться.

Я смотрела на нее и ждала. Чего? Приговора? Диагноза? Объяснений?

- Как я? - спросила я.

Врач подошла ближе, села на пластиковый стул рядом с кроватью. Взяла мою руку - теплыми, сухими пальцами - померила пульс, заглянула в глаза, посветила фонариком.

- Кровотечение остановили, - сказала она, убирая фонарик в карман халата. - Потеряли вы много, очень много, но переливание сделали вовремя, спасибо вашей подруге - она не дала нам расслабляться. Сейчас главное - покой и восстановление. Я молчала. Смотрела на нее в упор, не отводя глаз.

- Это из-за ЭКО? - спросила я прямо. Я хотела знать правду. Какой бы горькой она ни была.

Врач помолчала, собираясь с мыслями. Потом кивнула - медленно, осторожно.

- Скорее всего, да. Гормональная терапия, стимуляция - это колоссальная нагрузка на организм. Особенно после нескольких неудачных попыток. Сосуды становятся хрупкими, эндометрий истончается, организм просто не справляется. Вам нужно отдохнуть от всех этих процедур. Полгода. Лучше год. Дать телу прийти в себя.

- То есть попытка провалилась, - сказала я. Это был не вопрос. Утверждение. Констатация факта.

Врач посмотрела на меня с сочувствием - тем особенным,

профессиональным сочувствием, которое ничего не стоит, но выглядит убедительно.

- Срок был слишком маленький, чтобы сказать точно, - ответила она осторожно, подбирая слова. - Но при таком массивном кровотечении, какое было у вас, шансов сохранить беременность практически нет. Я бы не стала рассчитывать на чудо. Организм сам принял решение.

Я кивнула. Я и не рассчитывала. Четыре попытки научили меня не рассчитывать на чудеса. Чудеса бывают в сказках, а в реальности - только кровь, боль и пустота.

- Когда выпишут? - спросила я, глядя в потолок.

- Через пару дней, если анализы будут хорошие и давление стабилизируется. - Врач встала, поправила халат. - Полежите пока, отдохните. Организму нужно восстановиться после такой потери. И пожалуйста, никаких стрессов. Никаких волнений.

Она ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Я осталась одна. Смотрела в белый потолок и думала о том, что он сейчас делает. Где он. С кем он. Наверное, с ней. С той, стройной, с длинными ногами, с идеальной фигурой. Трахает ее и радуется, что наконец-то избавился от обузы, от меня, от моих проблем, от моих слез, от моего бесплодного чрева.

Слезы потекли сами - по вискам, в уши, заливая шею. Я не вытирала их. Просто лежала и плакала, глядя в потолок, позволяя им течь, пока не кончатся. Но они не кончались.

Телефон завибрировал, заставив вздрогнуть. Экран засве-

тился в темнеющей палате. Макс. Я смотрела на имя на экране - «Любимый» - и не брала трубку. Смотрела, как пульсирует значок вызова, как сменяются секунды. Он звонил снова и снова. Я сбрасывала. Механически, бездумно, нажимала красную кнопку. Потом пришло сообщение: «Ира, возьми трубку. Я волнуюсь. Где ты?» Я не ответила. Еще: «Я знаю, что был неправ. Давай поговорим. Просто поговорим».

Неправ. Он был не просто неправ. Он был чудовищем. Он бросил меня, истекающую кровью, назвал толстой и страшной, сказал, что я бесплодная, что я никто, что он устал от меня. И ушел к другой. А теперь пишет «был неправ». Я выключила телефон. Положила на тумбочку экраном вниз, чтобы не видеть.

Вечером, когда за окном начало темнеть, а палата погрузилась в синие сумерки, пришла Катя. Ворвалась, как ураган - распахнула дверь, влетела с пакетами, с фруктами, с соками, с шумом, с жизнью.

- Ирка! - закричала она, бросаясь ко мне, и в голосе ее было столько боли, столько страха, столько любви, что у меня снова защипало в носу. - Я весь день звоню! Я с ума сходила!

Она обняла меня - крепко, до хруста, прижала к себе. Я чувствовала, как ее плечи вздрагивают - она плакала, размазывала слезы по моей больничной рубашке.

- Кать, все нормально, - сказала я тихо, глядя ее по голове. - Я жива. Видишь?

- Нормально? - она отстранилась, вытерла слезы тыльной

стороной ладони, шмыгнула носом. - Ты в больнице, кровищи потеряла литрами, этот козел тебя бросил - и нормально? Что в этом, блин, нормального?

Я молчала. Смотрела в стену, на которой уже зажгли тусклый ночник.

- Ир, - Катя взяла мою руку в свои, сжала. - Ты как? Честно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.